

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Проблема корреляции гражданско-правовых и экономических отношений является актуальной для современной юридической науки. К сожалению, в настоящее время вопросам гражданско-правовой методологии уделяется недостаточно внимания. Об этом свидетельствует относительно малое количество фундаментальных исследований, посвященных задачам осмысления концептуальных основ цивилистической науки, таких как методы и предмет научного познания.

Методология гражданского права, как отрасль отечественного права, не является чем-то раз и навсегда сформированным, статичным. Поскольку наука предполагает получение нового знания, то немаловажное место в ней занимают методы научного исследования или поиска ранее неизвестных данных, сведений или знаний¹. Наука гражданского права не является исключением. Методологию любой науки определяет объект ее исследования, т. е. наиболее общие, сущностные закономерности того или иного правового института или их совокупности, над познанием которых работает ученый. Как известно, объектом исследования любой науки выступает совокупность явлений, которые должна изучать данная наука в разрешении своих задач и достижении целей, поставленных практикой².

Предмет науки гражданского права характерен тем, что он представляет собой комплексное социально-юридическое и философско-экономическое явление. Цивилистика является социальной наукой, причем изучающей отношения, формирующиеся в обществе, экономические по своему характеру и регулируемые нормами гражданского законодательства. Общественные отношения, складывающиеся в рамках предмета правового регулирования гражданского права, принято разделять, в соответствии с объектом, по поводу которого они возникают, изменяются или прекращаются. Как известно, это имущественные и неимущественные отношения. Однако следует помнить, что предмет исследования юридической науки представляет собой не только и столько общественные отношения, которые составляют предмет регулирования отрасли. Кроме общественных

отношений и способов воздействия на них, в предмет исследования любой юридической науки входят: история возникновения правовых норм и институтов, сравнение эффективности и способов воздействия на общественную жизнь норм отечественного законодательства и сходных норм зарубежного права, отношение граждан страны к действующим правовым институтам. Следовательно, предмет правовой отрасли «гражданское право» и предмет цивилистической науки соотносятся как частное и общее.

При определении предмета науки гражданского права мы считаем возможным разделить мнение О. А. Красавчикова. Основываясь на критическом анализе ряда цивилистических концепций³, в предмете науки гражданского права, по мнению указанного автора, можно выделить две стороны. Первая — фактическая, названа так, потому что она охватывает имущественные отношения, регулируемые гражданским правом, и личные неимущественные отношения. То есть эта часть занимается познанием объективных общественно-экономических волевых отношений.

Вторая составляющая предмета науки гражданского права именуется юридической. Она охватывает нормы и институты гражданского права, источники (формы) гражданского права, юридическую технику, опыт применения норм гражданского права, гражданские правоотношения и юридические факты, т. е. материю позитивного права.

В связи со сказанным полагаем справедливым следующее утверждение. Дуализм предмета гражданского права обуславливает необходимость исследования не только имущественных и личных неимущественных отношений, но и политические, экономические, социальные причины принятия тех или иных гражданско-правовых норм.

Становится очевидным, что кардинальное влияние на методы гражданско-правового отраслевого регулирования оказывают социально-экономические условия развития государства. Нельзя не отметить, что данный вывод во многом основан на положениях

марксистской теории экономики и права, основанной на диалектическом и историческом материализме.

Общеизвестно, что данная концепция в настоящее время подвергается не просто критике, но и беспощадным нападениям, инициаторы которых зачастую не утруждают себя поиском аргументов для своих выводов, ограничиваясь безапелляционным обвинением теоретических выводов К. Маркса и Ф. Энгельса в неверности и бессилии⁴.

Объяснение данному феномену мы видим в том, что марксистское учение, являясь классическим по своему типу, вступило в противоречие

с неопозитивистскими, а затем и постмодернистскими правовыми и экономическими теориями. Среди авторов основных неопозитивистских философских экономических концепций следует назвать Дж. Хикса, Дж. Коуза, Дж. М. Кейнса. Если систематизировать массу опубликованных ими исследований, то можно сделать вывод о том, что предметом изучения ученых стало влияние государственного регулирования и воздействие институтов демократического общества, например профсоюзов, на такие важнейшие категории экономики, как производительность труда и заработная плата. Следует отметить, что неопозитивизм в экономике является логическим продолжением экономического наследия К. Маркса. Особенностью теорий Хикса, Коуза и Кейнса стало то, что они формулировались с учетом особенностей капитализма в наивысшей стадии своего развития, когда рынок и государство становятся равновеликими силами и пытаются диктовать свои условия в политике, производстве и общественной жизни.

На смену неопозитивизму пришел постмодернизм, положения которого стали методологической основой и ряда экономических концепций. Наиболее значимой стала теория постиндустриального общества. Постиндустриальное общество — это общество, в экономике которого в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг. Доминирующим производственным ресурсом является информация и знания. Научные разработки становятся главной движущей силой экономики. Наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм,

обучаемость и креативность работника.

Термин «постиндустриализм» был введен в научный оборот в начале XX в. ученым А. Кумарасвами, который специализировался на доиндустриальном развитии азиатских стран. В современном значении этот термин впервые был применен в конце 1950-х гг., а широкое признание концепция постиндустриального общества получила благодаря работам профессора Гар-

вардского университета Дэниела Белла, в частности после выхода в 1973 г. его книги «Грядущее постиндустриальное общество».

Постиндустриальная теория во многом была подтверждена практикой. Как и было предсказано ее создателями, общество массового потребления породило сервисную экономику, а в ее рамках наиболее быстрыми темпами стал развиваться информационный сектор хозяйства.

Тем не менее следует помнить, что постмодернизм как философское направление характерен тем, что его категории не могут быть в полной мере использованы в качестве универсального инструментария для социальных или естественных наук. Во-первых, постмодернизм является во многом иррациональным философским течением, которое возникло как противоположность рациональным классическим и модернистским учениям, дискредитировавшим себя как источники национализма, фашизма, создания и применения варварских средств массового уничтожения. Во-вторых, для постмодернизма характерен уход в экзистенцию, во внутренний мир человека, его мышление, страхи и переживания. Во многих экзистенциальных концепциях право позитивное противопоставляется праву естественному, поскольку объективный закон вмешивается в существование каждой отдельной личности, тем самым ограничивая ее свободу⁵. Иногда закон, а точнее объективное право и государство, в работах философов-экзистенциалистов представляется как слепая сила, угнетающая человеческую личность. В качестве примера достаточно вспомнить знаменитое произведение Ф. Кафки «Процесс», в котором, пользуясь литературными художественными средствами, автор показывает философскую проблему подавления личности незаметного и безобидного человека посредством суда и закона.

В-третьих, постмодернизм позиционирует себя как «процессуальность, разворачивающаяся

«после времени» — в ситуации «свершенности» и «завершенности» истории»⁶. Следовательно, духу постмодернизма противоречит концептуальный стержень диалектики — прогрессивная последовательность развития. Постмодерн пронизан духом стихийного, он ищет упорядоченное объяснение хаосу. Тем не менее в рамках упомянутой философской парадигмы такой ответ исключен, поскольку постмодернизм исключает диалектический принцип детерминизма причины и следствия, являющийся основополагающим в юриспруденции. Это, в свою очередь, также

практически полностью исключает использование постмодернистских доктрин и их методологии для познания юридических институтов.

Таким образом, не отказываясь ни в коем случае от положений современной научной парадигмы, во многом основанной на идеях постмодернизма, мы предполагаем использовать достижения как рациональных материалистических концепций, так и современных философских, неоклассических школ, например герменевтики.

Говоря о познании закономерностей объектов исследования гражданско-правовой науки, следует отметить необходимость систематического применения диалектических методов. Диалектика подразумевает философскую концептуализацию развития, понятого как в онтологическом, так и в логико-понятийном его измерениях⁷. Развитие правового института, как объекта юридического исследования, предполагает анализ процесса его существования от осознания необходимости урегулирования той или иной категории общественных отношений до сложившейся практики его применения. Научная работа, претендующая на универсальность выработанных понятий, всесторонность обобщения накопленного эмпирического опыта и, наконец, имеющая бесспорную научную ценность, может получить достоверные сведения об этих процессах, только применяя весь спектр рациональных методов познания действительности, отражающих развитие объекта науки. Среди подобных методов следует назвать, в первую очередь, исторические и логические методы исследования правовой материи.

Практика показывает, что анализируемый институт ренты имеет длительную и полную

противоречий историю. На формирование ренты, как экономического и правового института, повлияло, в первую очередь, несоответствие между потребностями нормального экономического развития общества и господствующей идеологией или религией. Методы сравнительного анализа предполагают соотнесение порядка функционирования не только сходных исторических и современных правовых институтов, но и отечественного и зарубежного правового опыта. Исследование нормативных и специальных иностранных источников показывает, что институт ренты давно перестал быть узкоспециальным гражданско-правовым институтом. Умелое использование законодателем экономического и правового потенциала ренты дает возможность гражданам и подданным передовых стран мира поддерживать достойный уровень жизни в государстве, обеспечивать стабильность развития всех отраслей экономики.

Построение в России рыночной экономики и неотъемлемых ее «спутников» — демократических гражданских и политических свобод — пришло в противоречие с существовавшими пережитками плановой экономики и закономерно вызвало отказ от административно-командных методов хозяйствования. Вывод на рынок объектов права собственности, которые ранее находились в исключительном владении государства, привел к тому, что, получив имущественную самостоятельность, граждане России стали активными участниками оборота товаров или, по крайней мере, могли стать таковыми. Как следствие, отечественное гражданское право пополнилось обширным перечнем как новых, так и существовавших ранее, но уже забытых юридических форм имущественных отношений. В качестве одного из примеров подобных забытых и вновь возрожденных институтов стал договор ренты и его разновидности.

В научной сфере также произошли серьезные изменения, последствия которых нельзя оценить только как позитивные. Справедливо замечание Д. И. Степанова: «С развенчанием прежних идеологических идеалов в общей теории государства и права, а затем и в отраслевых науках произошел отказ от основополагающих положений марксистско-ленинской философии, в том числе философии права. Попытки использовать в усеченном виде отдельные идеи философского учения, именовавшегося ранее диалектическим

материализмом, привели к плачевным результатам, а стремление вести исследовательскую деятельность вне рамок определенной философской парадигмы, кроме очевидного самообмана, не дало ощутимого эффекта и лишь указывает на удручающие для истинного научного поиска последствия. Радость и вдохновение от открывшегося идеологического и мировоззренческого многообразия, наблюдавшееся не более десяти лет назад, сменились идейным нищенством и философской скудостью. Потеряв одно, мы истинно не приобрели другого».

Данные обстоятельства обусловили необходимость серьезного теоретического переосмысления основ науки гражданского права.

Современные цивилисты (К. И. Скловский, Д. И. Степанов) предпринимают попытки обновления методологии науки гражданского права, поскольку радикальные перемены в предмете и методе отрасли гражданского права диалектически влекут за собой необходимость пересмотра научной методологии цивилистики⁸.

Принятие в качестве основополагающего хрестоматийного высказывания о том, что в науке никто не имеет монополии на абсолютную истину, ознаменовало переход от классического рационализма в гносеологии к рационализму критическому. Из этого тезиса следует необходимость обращения к парадигме, допускающей сочетание разумного и стихийного в методах познания, применяемых в социальных науках, в том числе и правовых⁹.

В данном случае под «разумным», в рамках юридической гносеологии, следует понимать источник свободы личности — объективный закон и возникающие на его основании субъективные права. Функция этих прав состоит в обеспечении свободы каждого человека в рамках социального взаимодействия. «Стихийное», в негативном социальном контексте, воспринимается, как «разнузданное общество»¹⁰, т. е. собрание идейно разобщенных индивидов, готовых принести в жертву собственному эгоизму все общественные институты, включая и право. Цель современного демократического правопорядка состоит в том, чтобы правовое регулирование не отождествлялось с примитивным принуждением, но учитывало уровень развития современного общества в целом и каждой отдельно взятой личности. При этом право не должно чрезмерно удаляться

в психологизм и иррациональное.

Список библиографических ссылок

- ¹ Рузавин Т. И. Методология научного познания. М., 2008. С. 4.
- ² Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. М., 2005. Т. 1. С. 253.
- ³ Там же. С. 300.
- ⁴ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 134.
- ⁵ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2003. С. 625—630.
- ⁶ Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск, 2003. С. 779.
- ⁷ Там же. С. 318.
- ⁸ Скловский К. И. Собственность в гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. / под ред. О. Ю. Шилохвоста. М., 2003. Вып. 6. С. 1—32; Степанов Д. И. Вопросы методологии цивилистической доктрины // Там же; Зубович М. М. Ценностный аспект методологии гражданской процессуальной науки // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3. С. 23—26.
- ⁹ Миненков Г. Я. Стихийное и сознательное // Философский словарь. М., 1998.
- ¹⁰ По словам Ф. Шиллера: «Разнузданное общество, вместо того, чтобы стремиться вверх к органической жизни, катится опять в царство стихийных сил». Цит. по: Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск, 2003. С. 1196.

© П. С. Федосеев, 2009